

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Сага о Форсайтах»](#)

Приятного чтения!

Джон Голсуорси Интерлюдия. Пробуждение (Сага о Форсайтах — 4)

* * *

Через стеклянную крышу холла в Робин-Хилле лучи послеполуденного июльского солнца падали как раз на поворот широкой лестницы, и в этой полоске света стоял маленький Джон Форсайт, одетый в синий полотняный костюмчик. Волосы его светились, светились и глаза из-под нахмуренных бровей: он обдумывал, как спуститься по лестнице в последний раз перед тем, как автомобиль привезёт со станции его отца и мать. Через четыре ступеньки, а внизу пять сразу? Старо! По перилам? Но как? Лицом вниз, ногами вперёд? Очень старо! На животе, боком? Скучно! На спине, свесив руки в обе стороны? Не разрешается. Или лицом вниз, головой вперёд, способом, известным до сих пор только ему одному? Оттого-то и хмурились брови на ярко освещённом лице маленького Джона...

Полное имя маленького Джона было Джолион; но поскольку его живой отец и умерший старший брат уже давно забрали себе два других уменьшительных — Джо и Джолли, ему не оставалось ничего другого, как согласиться на сокращённое Джон. До самого этого дня в его сердце нераздельно царили: отец, конюх Боб, который играл на концертино, и няня «Да», которая по воскресеньям надевала лиловое платье и именовалась Спрэгинс в той личной жизни, которой изредка живёт даже домашняя прислуга. Мать являлась ему словно во сне, от неё чудесно пахло, она гладила его лоб перед тем, как он засыпал, и иногда подстригала ему золотисто-русые волосы. Когда он раскроил себе голову о каминную решётку в детской, она была тут, он всю её измазал кровью; а когда у него бывали кошмары, она сидела на его кровати и прижимала его голову к своему плечу. Она было очень нужная, но далёкая, уж очень близка была «Да», а в сердце мужчины редко найдётся место одновременно для двух женщин. С отцом, разумеется, его связывали особые узы: маленький Джон тоже хотел работать красками, когда вырастет, с той только небольшой разницей, что отец его красил картины, а он собирался красить потолки и стены, стоя в грязно-белом фартуке на доске между двумя лестницами и вдыхая приятный запах извёстки. И ещё он ездил с отцом в Ричмонд-парк верхом на своей лошадке Мышке, которую так звали потому, что она была мышинного цвета.

Маленький Джон родился с серебряной ложкой во рту¹, довольно большим и подвижным. Он ни разу не слышал, чтобы его отец и мать говорили сердитым голосом друг с другом, с ним или с кем бы то ни было; у конюха Боба, кухарки Джэйн, Бэллы и остальной прислуги, даже у «Да», которая одна только и сдерживала его порывы, — у всех делались особенные голоса, когда они разговаривали с ним. И поэтому у него сложилось представление, что во всём мире царит совершенная и постоянная вежливость и свобода.

Родившись в 1901 году, Джон дорос до сознательного возраста, когда его страна, только что перенёсшая бурскую войну, как серьёзную форму скарлатины, готовилась к

¹ ...Родиться с серебряной ложкой во рту... — приблизительно то же, что, по-русски, «родиться в сорочке»: родиться счастливым

периоду возрождения либерализма. Строгость была не в моде, родители носились с высокими идеями — дать своим отпрыскам счастливое детство. Они забросили розги, жалели своих детей и с восторгом предвкушали результаты. И, помимо этого, маленький Джон поступил мудро и правильно, выбрав себе в отцы приятного человека пятидесяти двух лет, уже потерявшего единственного сына, а в матери — тридцативосьмилетнюю женщину, первым и единственным ребёнком которой он был. Стать помесью болонки и маленького педанта ему помешало обожание, с которым его отец относился к его матери, так как даже маленький Джон понимал, что она не только его мать и что в сердце отца он играет вторую скрипку. Какое место ему отведено в сердце матери, он ещё не знал. Что касается тёти Джун, его сводной сестры (но до того старой, что она уже не годилась в сёстры), она любила его, конечно, но была слишком порывиста. В верной «Да» было много спартанского. Купали его в холодной воде, водили с голыми коленками; хныкать и жалеть самого себя не разрешали. Что же касается щекотливого вопроса о его образовании, то маленький Джон был сторонником теории, что к детям не следует применять насилие. Он не возражал против мадемуазель, которая приходила каждое утро на два часа учить его своему языку, а заодно истории, географии и арифметике; уроки рояля, которые давала ему мать, тоже не были неприятны: она умела незаметно вести его от одной мелодии к другой, никогда не заставляя повторять ту, которая ему не нравилась, так что у него не пропадала охота приучать свои пальцы к повиновению. Под руководством отца он учился рисовать свинок и других животных. Он был не очень образованным мальчиком. Но в общем серебряная ложка оставалась у него во рту и не портила его, хотя «Да» иногда говорила, что общество других детей пошло бы ему «очень даже на пользу».

И вот, в семь лет, он испытал горькое разочарование, когда она силой заставила его лежать на спине в наказание за что-то, ей не угодное. Это первое вмешательство в личную свободу Форсайта привело его чуть не в бешенство. Было что-то потрясающее в полной беспомощности такого положения и в неуверенности, наступит ли когда-нибудь конец. А вдруг она никогда больше не даст ему встать? В течение пятидесяти секунд он во весь голос переживал эту муку. И что хуже всего — он увидел, что «Да» потребовалось так много времени, чтобы понять, какой мучительный страх он испытывал. В таком страшном образе открылась ему бедность человеческого воображения. Когда ему позволили встать, он остался при убеждении, что «Да» совершила ужасный поступок. Хоть ему и не хотелось на неё жаловаться, но из боязни, что это повторится, ему пришлось пойти к матери и сказать:

— Мам, не вели больше «Да» класть меня на спину.

Мать, подняв над головой тяжёлые косы *couleur de feuille morte*², как ещё не научился их называть маленький Джон, посмотрела на него глазами, похожими на бархат его коричневой курточки, и ответила:

— Хорошо, родной, не велю.

Считая её чем-то вроде богини, маленький Джон успокоился; особенно когда во время завтрака, сидя под столом в ожидании обещанного шампиньона, он подслушал, как она говорила отцу:

— Так как же, милый, ты скажешь «Да», или мне сказать? Она так его любит.

И ответ отца:

— Да, но не так надо выражать свою любовь. Я в точности знаю, что чувствуешь, когда тебя заставляют лежать на спине. Ни один Форсайт и минуты этого не вытерпит.

Когда маленький Джон сообразил, что они не знают о его присутствии под столом, на него нашло совершенно новое чувство смущения, и он остался, где был, снедаемый тоской по шампиньону.

Так он впервые окунулся в тёмную пропасть жизни. Ничего особенно нового он не познал после этого, пока однажды, подойдя к коровнику, чтобы выпить парного молока,

² Цвета сухих листьев (фр.)

когда Гаррет подоит коров, не увидел, что телёнок Клевер мёртв. Безутешный, в сопровождении расстроенного Гаррета, он пошёл отыскивать «Да», но вдруг поняв, что не она ему сейчас нужна, бросился искать отца и влетел в объятия матери.

— Телёнок умер! Ой, ой, он был такой мягкий!

Руки матери и её слова: «Да, родной, ничего, ничего» — успокоили его рыдания. Но если телёнок мог умереть, значит всякий может — не только пчелы, мухи, жуки и цыплята. А он был такой мягкий! Это было потрясающе — и скоро забылось.

Следующим важным происшествием было то, что он сел на шмеля, — острое переживание, которое его мать поняла гораздо лучше, чем «Да»; и ничего особенно важного не произошло затем до конца года, когда после целого дня невыносимой тоски он перенёс чудесную болезнь: некую смесь из сыпи, лежанья в постели, меду с ложки и великого множества мандаринов. Тогда-то мир расцвёл. Этим цветением он был обязан «тёте» Джун, ибо, как только он сделался «несчастненьким», она примчалась из Лондона и привезла с собой книги, которые в своё время вскормили её воинственный дух, рождённый в знаменательном 1869 году. Ветхие, в разноцветных переплётках, они хранили в себе самые невероятные события. Их она читала маленькому Джону, пока ему не позволили читать самому, а тогда она упорхнула домой в Лондон и оставила ему целую кучу этих сокровищ. Книги подогревали его воображение, и в мыслях и снах у него только и было, что мичманы и пироги, пираты, плоты, торговцы сандаловым деревом, железные кони, акулы, битвы, татары, краснокожие, воздушные шары. Северные полюсы и прочие небывалые прелести. Как только ему разрешили встать, он оснастил свою кровать с кормы и с носа и отплыл от неё в узкой ванне по зелёным морям ковра к скале, на которую влез по выступам её ящиков красного дерева оглядывать горизонт в прижатый к глазу стакан, высматривая спасительный парус. Каждый день он сооружал плот из вешалки для полотенец, чайного подноса и своих подушек. Он накопил соку от слив, налил его в пузырёк из-под лекарства и снабдил плот этим ромом, а также пеммиканом из накопленных кусочков курятины (он сидел на них, а потом сушил у камина) и лимонным соком на случай цинги, изготовленным из апельсиновой корки и припрятанных остатков компота. Как-то утром он сделал Северный полюс из всех своих постельных принадлежностей, кроме подушки, и достиг его в берёзовом чёлне (вернее, на каминной решётке), после опасной встречи с белым медведем, сооружённым из подушки и четырех кеглей, накрытых ночной рубашкой «Да». После этого отец, в попытке усмирить его воображение, привёз ему «Айвенго», «Бевиса»³, «Книгу о короле Артуре» и «Школьные годы Тома Брауна»⁴. Он прочёл первую и три дня строил, защищал и брал штурмом замок Фрон де Бефа, исполняя все роли, кроме Ревеккн и Ровены, с пронзительными криками: «En avant de Brasy!»⁵ — и другими восклицаниями в этом же духе. Прочтя книгу о короле Артуре⁶, он почти целиком превратился в сэра Ламорака де Галис, потому что, хотя про него в книге было очень мало, это имя нравилось ему больше, чем имена всех других рыцарей; и он до смерти заездил своего деревянного коня, вооружившись длинной бамбуковой тростью. «Бевис» показался ему недостаточно захватывающим; кроме того, для него требовались леса и звери, каковых в детской не имелось, если не считать его двух кошек, Фица и Пэка

³ «Бевис». — Имеется в виду «Бевис Гемптонский» — английский рыцарский роман XIV в.

⁴ «Школьные годы Тома Брауна» — известная книга для детей Томаса Хьюза (1828—1896), изображающая жизнь в английских закрытых колледжах.

⁵ Вперёд, де Браси! (фр.)

⁶ Прочтя книгу о короле Артуре... — Король Артур, как гласит предание, возглавлял войска кельтских племён в борьбе против саксов (VI в.), герой многочисленных рыцарских романов, так называемого «Артурова цикла».

Форсайтов, которые не допускали вольностей в обращении. Для «Тома Брауна» он был ещё мал. Весь дом вздохнул с облегчением, когда после четырех недель ему было разрешено спуститься вниз и выйти в сад.

Был март, и поэтому деревья особенно напоминали мачты кораблей, и для маленького Джона это была изумительная весна; от неё сильно досталось его коленкам, костюмам и терпению «Да», на которой лежала стирка и починка его платья. Каждое утро, сейчас же после его завтрака, отец и мать видели из окон своей спальни, как он выходит из кабинета, пересекает террасу, влезает на старый дуб; лицо решительное, волосы блестят на солнце. Он начинал день таким образом потому, что до уроков не было времени уйти подальше. Старое дерево было неисчерпаемо разнообразно, у него была грот-мачта, фокмачта и брамстенга, а спуститься всегда можно было по реям, то есть по верёвкам от качелей. После уроков, которые кончались в одиннадцать, он отправлялся на кухню за ломтиком сыра, печеньем и двумя сливами — достаточно припасов по крайней мере для шлюпки — и съедал их как-нибудь поинтереснее; потом, вооружившись до зубов ружьём, пистолетами и шпагой, он всерьёз пускался в утреннее странствие, встречая по пути бесчисленные невольничьи корабли, индейцев, пиратов, медведей и леопардов. Его постоянно видели в это время дня с тесаком в зубах (как Дик Нидхэм), в грохоте непрерывно взрывающихся пистонов. И не одного садовника он сбил жёлтым горохом из своего ружья. Жизнь его была наполнена самой интенсивной деятельностью.

— Джон просто невозможен, — сказал как-то отец, сидя с матерью под старым дубом. — Боюсь, что из него выйдет матрос или что-нибудь безнадёжное. Ты видишь в нём хоть какие-нибудь признаки эстетического чувства?

— Ни малейших.

— Хорошо ещё, что его не тянет к винтам и машинам. Все лучше, чем это. Но не мешало бы ему больше интересоваться природой.

— У него богатое воображение, Джолион.

— Да, как у сангвиника. Он хоть любит сейчас когонибудь?

— Нет, он всех любит. На свете нет существа такого любящего и располагающего к любви, как Джон.

— Твой сын, Ирэн!

В эту минуту маленький Джон, лежавший на суке высоко над ними попал в них двумя горошинами; но этот обрывок разговора крепко засел у него в головёнке. «Любящий», «располагающий», «воображение», «сангвиник»!

А к этому времени листва была уже густая и подошёл день его рождения, который наступал каждый год двенадцатого мая и был памятен любимым обедом Джона: печёнка, шампиньоны, миндальное пирожное и лимонад.

Однако между этим восьмым днём рождения и тем днём, когда он стоял в июльском сиянии на повороте лестницы, произошло ещё несколько важных событий.

«Да», устав мыть ему коленки или движимая тем загадочным инстинктом, который заставляет даже нянюшек покидать своих питомцев, ушла, обливаясь слезами, на следующий же день после того, как отпраздновали его рождение, «чтоб выйти замуж, — подумайте только! — за какого-то мужчину». Маленький Джон, от которого это скрывали, был безутешен в течение целого дня. Зачем ему не сказали! Наряду с этим горем произошедшему в нём перевороту способствовали два больших ящика солдатиков, несколько пушек, а также книга «Юные трубачи», бывшие в числе подарков ко дню его рождения, и, вместо того чтобы самому искать приключений и рисковать собственной жизнью, он стал играть в выдуманные игры, в которых рисковал жизнью бесчисленных оловянных солдатиков, камешков, шариков и бобов. Из всех этих видов пушечного мяса он составил коллекции и, пользуясь ими по очереди, инсценировал наполеоновские. Семилетнюю, Тридцатилетнюю и другие войны, о которых в последнее время читал в большой «Истории Европы», принадлежавшей ещё его деду. Он изменял их ход по своему усмотрению и воевал на всём

полу детской, так что никто не мог туда войти из опасения помешать Густаву-Адольфу⁷, королю шведскому, или наступить на целую армию австрийцев. За приятный звук этого слова он страстно полюбил австрийцев, и когда убедился, как мало было битв, в которых они сражались успешно, был вынужден придумывать их в своих играх. Его любимыми генералами были принц Евгений, эрцгерцог Карл⁸ и Валленштейн⁹. Тилли¹⁰ и Мака¹¹ («опереточные фигуры», как однажды назвал их при нём отец; он и понятия не имел, что это значит!) никак нельзя было полюбить всерьёз, хоть они и были австрийцами. По тем же соображениям благозвучия он обожал Тюренна¹².

Эта страсть, которая беспокоила его родителей, потому что он сидел в комнатах, когда ему полагалось быть на воздухе, длилась весь май и половину июня, пока его отец не убил её, привезя ему как-то «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна». Когда он прочёл эти книги, с ним что-то произошло, и он снова вышел из дому в страстных поисках реки. Поскольку на территории Робин-Хилла таковой не имелось, ему пришлось сделать её из пруда, где, к счастью, были водяные лилии, стрекозы, комары и три невысоких ивы. На этом-то пруду, после того как отец и Гаррет, промерив его, убедились, что дно надёжное и что глубина нигде не превышает двух футов, ему позволили завести маленький вёрткий челнок, в котором он проводил целые часы, то работая вёслами, то ложась, чтобы укрыться от взоров индейца Джо и других врагов. А на берегу он построил себе вигвам из старых жестянок из-под печенья, с крышей из веток, площадью примерно в четыре квадратных фута. Тут он разводил костры и жарил птиц, которых не застрелил из ружья, охотясь в роще и в полях, или рыбу, которую не наловил в пруду, потому что её там не было. Все это заняло конец июня и июль, который его родители провели в Ирландии. Эти пять летних недель он вёл одинокую жизнь «как будто», довольствуясь своим ружьём, вигвамом, водой и челноком; и как ни энергично его деятельный ум противился влиянию красоты, она всё же подбиралась к нему порой на минутку, усевшись на крыле стрекозы, поблёскивая на водяных лилиях или задевая его синевой по глазам, когда он лежал на спине в засаде.

У «тёти» Джун, на попечении которой он оставался, был в доме «взрослый» с кашлем и большим куском глины, из которой он делал лицо; поэтому она почти никогда не заглядывала на пруд к маленькому Джону. Раз, правда, она привела с собой двух других «взрослых». Завидев их, маленький Джон, — который в этот день раскрасил свою голую особу синими и жёлтыми полосами, воспользовавшись акварельным ящиком отца, и воткнул себе в волосы утиные перья, — залёг в засаде между ивами. Как он и думал, они сразу прошли к его вигваму и встали на колени, чтобы заглянуть туда, так что он с диким, душу леденящим воплем почти успел оскальпировать «тётю» Джун и новую «взрослую», прежде чем они его поцеловали. Взрослых звали «тётя» Холли и «дядя» Вал; у «дяди» Вэла было загорелое лицо, и он прихрамывал и ужасно хохотал, глядя на Джона. Маленькому Джону понравилась «тётя» Холли, которая тоже оказалась сестрой; но они оба уехали в тот же день, и больше он их не видел. За три дня до намеченного приезда его родителей «тётя» Джун

⁷ Густав-Адольф (1594—1632) — король Швеции, полководец, принимавший участие в Тридцатилетней войне.

⁸ Эрцгерцог Карл (1771 —1847) —австрийский фельдмаршал и военный писатель.

⁹ Валленштейн Альбрехт (1583—1634) —выдающийся полководец, командовавший германской императорской армией в Тридцатилетнюю войну.

¹⁰ Тилли Иоганн (1559—1632) —руководил войсками Католической лиги в Тридцатилетней войне.

¹¹ Мак Карл (1752—1828) —австрийский фельдмаршал, в 1805 г. сдавшийся со своей армией Наполеону I.

¹² Тюренн Анри (1611 —1675) —выдающийся французский полководец.

тоже уехала — очень поспешно, забрав с собой «взрослого», который кашлял, и его кусок глины. И мадемуазель сказала: «Бедный, он о-очень болен! Запрещаю тебе ходить в его комнату, Джон». Маленький Джон, который редко делал что-нибудь только потому, что это было запрещено, воздержался и не пошёл, хотя ему было скучно и одиноко. Дело в том, что дни пруда миновали, и он до краёв души был полон беспокойства и желания чего-то — не дерева, не ружья, — чего-то мягкого. Эти два последних дня показались ему месяцами, несмотря на «Выброшенных морем», где он прочёл про старуху Ли и её страшный костёр. За эти два дня он раз сто прошёл вверх и вниз по лестнице и часто из детской пробирался в комнату матери, все разглядывал, ничего не трогая, потом проходил в ванную комнату и, стоя на одной ноге около ванны, шептал заклинания, таинственно, как Слингсби:

— Хо, хо, хо! Кошки-собаки!

Потом, вернувшись из ванной, открывал гардероб матери и долго нюхал, и это, казалось, приближало его к... он сам не знал, к чему.

Он проделал это как раз до того, как остановился на лестнице в полосе солнечного света, обдумывая, каким из многих способов спуститься по перилам. Все они казались глупыми, и в овладевшей им вдруг томной лени он медленно пошёл вниз по ступенькам. Во время этого спуска он совершенно отчётливо вспомнил отца: короткую седую бородку, подмигивание глубоко сидящих глаз, морщинку между ними, странную улыбку, тонкую фигуру, которая всегда казалась маленькому Джону такой высокой; но мать он никак не мог увидеть. Все, что с ней связывалось, — это покачивающаяся походка, тёмные глаза, устремлённые на него, и запах её гардероба.

Бэлла была в холле, — раздвигала тяжёлые портьеры и открывала парадную дверь. Маленький Джон сказал заискивающе:

— Бэлла!

— Что, мистер Джон?

— Давай пить чай под дубом, когда они приедут; я знаю, им захочется.

— Вы лучше скажите, что вам захочется!

Маленький Джон подумал.

— Нет, им, чтобы доставить мне удовольствие.

Бэлла улыбнулась.

— Хорошо, я накрою в саду, если вы тут посидите тихо и не напроказничаете, пока они приедут.

Маленький Джон уселся на нижней ступеньке и кивнул.

Бэлла подошла поближе и оглядела его.

— Встаньте-ка, — сказала она.

Маленький Джон встал. Она тщательно осмотрела его сзади. Зелёных пятен нет, и коленки как будто чистые!

— Хорошо, — сказала она. — Ой, ну и загорели же вы! Дайте поцелую.

И она клюнула маленького Джона в макушку.

— А какое будет варенье? — спросил он. — Я так устал ждать.

— Крыжовенное и клубничное.

Вот здорово! Самые его любимые!

Когда Бэлла ушла, он целую минуту сидел спокойно. В большой гостиной было тихо, и через открытую дверь в восточной стене он видел один из своих кораблей-деревьев, очень медленно плывущий по верхней лужайке. В холле от колонн падали косые тени. Маленький Джон встал, перепрыгнул через тень и обошёл ирисы, посаженные вокруг бассейна серо-белого мрамора. Цветы были красивые, но пахли только чуточку. Он встал в открытых дверях и выглянул наружу. А вдруг... вдруг они не приедут! Он ждал так долго, что почувствовал, что не вынесет этого, и его внимание сейчас же перескочило с такой страшной мысли на пылинки в голубоватом солнечном луче, падающем снаружи. Он поднял руку, попробовал их поймать. Что же это Бэлла не стёрла с воздуха пыль! А может быть, это и не пыль, а просто из них сделан солнечный свет? И он стал смотреть, такой ли солнечный свет

и за дверью. Нет, не такой. Он обещал, что спокойно побудет в холле, но просто не мог больше выдержать, пересёк посыпанную гравием дорогу и улёгся на траве. Сорвал шесть ромашек, назвал их по очереди: сэра Ламорак, сэра Тристан, сэра Ланселот, сэра Палимед, сэра Боре, сэра Гавэн¹³, и заставил их биться парами до тех пор, пока только у сэра Ламорака, обладателя особенно толстого стебелька, осталась голова на плечах, но даже и он после трех схваток имел вид порядком усталый и растрёпанный. В траве, уже почти готовой для покоса, медленно пробирался жук. Каждая травинка была деревцом, ствол которого ему приходилось обходить. Маленький Джон протянул сэра Ламорака ногами вперёд и пошевелил жука. Тот беспомощно заторопился. Маленький Джон засмеялся, потом все ему надоело, и он вздохнул. На сердце было пусто. Он повернулся и лёг на спину. От цветущих лип пахло мёдом, небо было синее и красивое, и редкие белые облачка были на вид, а может, и на вкус, как лимонное мороженое. Было слышно, как Боб играет на концертино «Далеко на речке Сувани», и от этого стало хорошо и грустно. Он опять перевернулся и приник ухом к земле — индейцы ведь издали слышат, когда что-нибудь приближается, — но он ничего не услышал, только концертино. И почти сейчас же и вправду уловил далёкий хруст, слабый гудок. Да, это автомобиль, ближе, ближе! Маленький Джон вскочил на ноги. Подождать на крыльце или мчаться наверх, и когда они подъедут, крикнуть: «Смотрите!» — и медленно съехать вниз по перилам головой вперёд? Сделать так? Автомобиль повернул к подъезду. Поздно! И он стал ждать, подпрыгивая на месте от нетерпения. Машина быстро подъехала, зафыркала и остановилась. Вышел отец, совсем настоящий. Он наклонился, а маленький Джон вскинул голову кверху, они стукнулись. Отец сказал: «Он, ой, ой! Ну, малыш, и загорел же ты!» — точь-в-точь как всегда говорил; но чувство ожидания — желания чего-то — продолжало кипеть в маленьком Джоне.

Потом медленным робким взглядом он нашёл свою мать, улыбающуюся, в синем платье, с синим автомобильным шарфом, накинутым на шапочку и волосы. Он подскочил как только мог выше, сцепил ноги у неё за спиной и обнял её. Он услышал, как она охнула, почувствовал, что и она его обнимает. Его глаза, темно-синие в эту минуту, смотрелись в её, темно-карие, пока губы её не прижались к его брови, и, стискивая её изо всех сил, он услышал, как она закашлялась и засмеялась и сказала:

— Ну, и силач ты. Джон!

Тогда он соскользнул на землю и бросился в дом, таща её за собой.

Уплетая варенье под старым дубом, он заметил в своей матери много такого, чего, казалось, никогда раньше не видел: щеки, например, цвета сливок, серебряные нити в темно-золотистых волосах, на шее спереди нет шишки, как у Бэллы, и во всех движениях что-то мягкое. Он заметил также чёрточки, бегущие от уголков её глаз, а под глазами красивые тени. Она была ужасно красивая, красивее, чем «Да», или мадемуазель, или «тётя» Джун, или даже «тётя» Холли, которая ему очень понравилась; даже красивее, чем румяная Балла, — та, пожалуй, уж слишком костлява. Эта новая красота матери имела для него какое-то особенное значение, и он съел меньше, чем собирался.

После чая отец захотел пройтись с ним по саду. Он долго разговаривал с отцом о всяких вещах, обходя свою личную жизнь: сэра Ламорака, австрийцев и ту пустоту, которую он ощущал последние три дня и которая теперь так внезапно заполнилась. Отец рассказал ему о месте, называемом Гленсофантрим, где побывали он и его мать, и о маленьких человечках, которые выходят из-под земли, когда бывает совсем тихо. Маленький Джон остановился, расставив пятки.

— А ты правда веришь в них, папа?

— Нет, Джон, но я думал, может быть, ты поверишь.

— Почему?

¹³ Сэр Ламорак, сэра Тристан, сэра Ланселот, сэра Палимед, сэра Боре, сэра Гавэн — рыцари Круглого стола, персонажи романов «Артурова цикла» (см. прим. к с. 224).

— Ты моложе меня; а они ведь эльфы.

Маленький Джон прижал палец к подбородку.

— Я не верю в эльфов. Никогда их не вижу.

— Ха, — сказал отец.

— А мама?

Отец улыбнулся своей странной улыбкой.

— Нет, она видит только Пана.

— Что это «Пан»?

— Козлоногий бог, который резвится в диких и прекрасных местах.

— А он был в Гленсофантриме?

— Мама говорит, что был.

Маленький Джон сдвинул пятки и пошёл дальше.

— А ты его видел?

— Нет, я видел только Венеру Анадиомейскую.

Маленький Джон задумался. Венера была у него в книге про греков и троянцев. Значит, «Анна» её имя, а «Диомейская» — фамилия? Но когда он спросил, оказалось, что это одно слово и значит «встающая из пены».

— А она вставала из пены в Гленсофантриме?

— Да, каждый день.

— А какая она, папа?

— Как мама.

— О, так она, наверно...

Но тут он запнулся, бросился к стене, вскарабкался на неё и сейчас же слез обратно. Открытие, что его мать красива, было тайной, которую, он чувствовал, никто не должен узнать. Но отец так долго курил сигару, что он наконец был вынужден спросить:

— Мне хочется посмотреть, что мама привезла. Можно?

Он выдумал этот корыстный предлог, чтобы его не заподозрили в чувствительности, и немножко растерялся, когда отец посмотрел на него так, словно видел его насквозь, многозначительно вздохнул и ответил:

— Ну что ж, малыш, беги, люби её!

Он пошёл нарочно медленно, а потом пустился бегом, чтобы наверстать потерянное время. Он вошёл к ней в спальню из своей комнаты, так как дверь была открыта. Она стояла на коленях перед чемоданом, и он стал рядом с ней и стоял тихо-тихо.

Она выпрямилась и сказала:

— Ну, Джон?

— Я думал, зайду посмотрю.

Обняв её ещё раз и получив ответный поцелуй, он влез на диван у окна и, поджав под себя ноги, стал смотреть, как она распаковывает чемодан. Этот процесс доставлял ему не испытанное до того удовольствие — и потому, что она вынимала заманчивого вида пакеты, и потому, что ему нравилось смотреть на неё. Она двигалась не так, как Другие, особенно не так, как Бэлла. Из всех людей, которых он видел в жизни, она безусловно была самая прекрасная. Наконец она покончила с чемоданом и встала на колени перед сыном.

— Ты скучал по нас, Джон?

Маленький Джон кивнул и, подтвердив таким образом свои чувства, продолжал кивать.

— Но ведь с тобой была «тётя» Джун?

— Да-а, у неё был человек, который кашлял.

Лицо матери изменилось, стало почти сердитым. Он поспешно добавил:

— Он бедный, мама; он ужасно кашлял. Я... я его люблю.

Мать обняла его.

— Ты всех любишь, Джон.

Маленький Джон подумал.

— Немножко — да, — сказал он. — «Тётя» Джун водила меня в церковь в воскресенье.

— В церковь? О!

— Она хотела посмотреть, как на меня подействует.

— Ну, и как же, подействовало?

— Да. Мне стало так странно, она уж поскорей увела меня домой. А я не заболел. Меня уложили в постель и дали горячего коньяку с водой, и я читал «Бичвудских мальчигов». Было замечательно.

Мать прикусила губу.

— Когда это было?

— Ну, приблизительно... уже давно; я хотел, чтобы она меня ещё взяла с собой, а она не захотела. Вы с папой никогда не ходите в церковь?

— Нет, не ходим.

— А почему?

— Мы оба, милый, ходили, когда были маленькие. Может быть, мы были для этого слишком малы.

— Понимаю, — сказал маленький Джон. — Это опасно.

— Сам разберёшься во всём этом, когда вырастешь!

Маленький Джон ответил рассудительно:

— Я не хочу совсем вырасти, только немножко. Не хочу ехать в школу, он покраснел от внезапно нахлынувшего желания сказать ещё что-то, высказать то, что он действительно чувствовал. — Я... я хочу остаться с тобой и быть твоим возлюбленным, мама.

И в инстинктивном усилии спасти положение он поспешно добавил:

— И я сегодня не хочу ложиться спать. Я устал ложиться спать каждый вечер.

— У тебя бывали ещё кошмары?

— Только один раз. Мама, можно сегодня оставить дверь в твою комнату открытой?

— Да, немножко.

Маленький Джон удовлетворённо вздохнул.

— Что ты видела в Гленсофантриме?

— Там такая красота, милый!

— А что это такое «красота»?

— Что это такое?... О, Джон, это трудный вопрос.

— Я, например, могу её увидеть?

Мать встала и села рядом с ним.

— Каждый день видишь. Небо красиво, и звезды, и лунные ночи, и ещё птицы, цветы, деревья — все это красиво. Посмотри в окно, вот тебе красота, Джон.

— Ну да, это вид. И это все?

— Все? Нет. Море удивительно красивое, и волны с летящей пеной.

— Ты из неё вставала каждый день, мама?

Мать улыбнулась.

— Мы купались.

Маленький Джон быстро потянулся и охватил её шею руками.

— Я знаю, — сказал он таинственно, — это ты, а всё остальное это только так.

Она вздохнула, засмеялась, сказала:

— Ох, Джон!

Маленький Джон сказал критически:

— По-твоему, Бэлла, например, красивая? По-моему, нет.

— Бэлла молода; а это уже много.

— Но ты выглядишь моложе, мама. Если о Бэлле стукнешься — больно. «Да», по-моему, не была красивая, я помню, а мадемуазель так чуть не урод.

— У мадемуазель очень приятное лицо.

— Это да, приятное. Мне так нравятся твои лучики, мама.

— Лучики?

Маленький Джон тронул пальцем наружный уголок её глаза.

- Ах, это? Но ведь это признак старости.
- Они бывают, когда ты улыбаешься.
- Раньше их не было.
- Все равно, они мне нравятся. Ты меня любишь, мама?
- Люблю, конечно люблю, милый.
- Очень-очень?
- Очень-очень.
- Больше, чем я думал?
- Больше, гораздо больше.
- Ну, и я так. Значит, поровну.

Внезапно осознав, что ещё никогда в жизни не высказывался так откровенно, он сразу обратился мыслью к сэру Ламораку, Дику Нидхэму, Геку Финну и прочим мужественным героям.

— Показать тебе кое-что? — сказал он и, выскользнув из её объятий, встал на голову. Потом, вдохновлённый её явным восхищением, влез на кровать и перекувырнулся головой вперёд прямо на спину, ничего не коснувшись руками. Это он проделал несколько раз.

Вечером, осмотрев все, что они привезли, он обедал, сидя между ними за маленьким круглым столом, за которым они всегда ели, когда не бывало гостей. Он был до крайности возбуждён. Его мать переделалась в светло-серое платье с кремовым кружевом вокруг шеи; кружево было из маленьких кручёных розочек, и шея была темнее Кружева. Он все смотрел на неё, пока наконец странная улыбка отца не заставила его поспешно переключить внимание на лежавший перед ним ломтик ананаса. Спать он отправился позднее, чем когда-либо в жизни.

Мать пошла с ним в детскую, и он стал раздеваться нарочно медленно, чтобы она подольше не уходила. Оставшись наконец в одной пижаме, он сказал:

- Обещай, что не уйдёшь, пока я молюсь.
- Обещаю.

Встав на колени и уткнувшись лицом в постель, маленький Джон торопливо зашептал, время от времени приоткрывая один глаз, чтобы взглянуть, как она стоит — совсем тихо, с улыбкой на лице. «Отче наш, — так вышла последняя молитва, — иже еси на небесех, да святится Мама твоя, да Мама царствие твоё яко на небеси и на земли. Маму насущный даждь нам днесь и остави нам долги наши на небеси и на земли и должником нашим, ибо твоё есть рабство и сила и слава во веки веков. Амам!¹⁴ Берегись!» Он подскочил и на целую минуту замер у неё на груди. Улёгшись, он все не выпускал её руку.

- Дверь не будешь закрывать, да? Ты скоро придёшь, мамочка?
- Надо пойти вниз поиграть папе.
- Это хорошо, я буду слушать.
- Надеюсь, что не будешь. Тебе надо спать.
- Спать я каждый вечер могу.
- Что ж, сегодня такой же вечер, как и всегда.
- Ну нет, сегодня совсем особенный.
- В совсем особенные вечера всегда спится крепче.
- Но если я засну, мама, я не услышу, как ты придёшь.
- А я тогда зайду поцеловать тебя, и если ты ещё не будешь спать, ты меня увидишь, а если уже заснёшь, все равно будешь знать, что я приходила.

Маленький Джон вздохнул.

- Ну что ж, — сказал он, — придётся потерпеть. Мама!
- Да?

¹⁴ Амам! — Имеется в виду «Аминь!». Маленький Джон перепутал слова христианской молитвы «Отче наш», при этом несколько раз разные слова в молитве он заменил словом «Мама».

— Как её зовут, в которую папа верит? Венера Анна Диомедская?

— Ох, родной мой, Анадиомейская!

— Да. Но у меня есть для тебя имя гораздо лучше.

— Какое, Джон?

Маленький Джон робко ответил:

— Гуинивир¹⁵. Это из «Рыцарей Круглого стола» — я это только что придумал, только у неё были распущенные волосы.

Глаза матери смотрели мимо него, словно уплывали куда-то.

— Не забудешь зайти, мама?

— Нет, если ты сейчас заснёшь.

— Ну, значит, сговорились.

И маленький Джон зажмурил глаза.

Он почувствовал её губы у себя на лбу, услышал её шаги, открыл глаза, увидел, как она проскользнула в дверь, и со вздохом снова зажмурился.

Тогда потянулось время.

Минут десять он честно старался заснуть, применяя давнишний рецепт «Да» — считать уложенные в длинный ряд репейники. Казалось, он считал уже много часов. Наверное, думал он, ей время прийти. Он откинул одеяло.

— Мне жарко, — сказал он, и его голос в темноте прозвучал странно, как чужой.

Почему она не идёт? Он сел. Надо посмотреть! Он вылез из кровати, подошёл к окну и чуть-чуть раздвинул занавески. Темно не было, но он не мог разобрать, наступил ли день, или это от луны, которая была очень большая. У неё было странное, злое лицо, точно она смеялась над ним, и ему не хотелось смотреть на неё. Но, вспомнив слова матери, что лунные ночи красивы, он продолжал смотреть. Деревья отбрасывали толстые тени, лужайка была похожа на разлитое молоко, и было видно далеко-далеко — ой, как далеко, через весь свет! — и всё было необычное и словно плыло. И очень хорошо пахло из открытого окна.

«Вот был бы у меня голубь, как у Ноя»¹⁶, — подумал он.

Луна была лунистая, светила из-за туч
И, круглая и светлая, бросала яркий луч.

После этих стихов, которые пришли ему в голову совершенно неожиданно, он услышал музыку, очень тихую — чудесную. Мама играет! Он вспомнил, что у него в комодке припрятано миндальное пирожное, достал его и вернулся к окну. Он высунулся наружу, то жевал пирожное, то переставал, чтоб лучше слышать музыку. «Да» говорила когда-то, что ангелы небесные играют на арфах, но это, наверно, куда хуже, чем вот как сейчас: мама играет в лунную ночь, а он ест миндальное пирожное. Прожужжал жук, у самого лица пролетела ночная бабочка, музыка кончилась, и маленький Джон втянул голову в комнату. Наверно, она идёт! Он не хотел, чтобы его застали на полу, залез опять в постель и натянул одеяло до самого носа. Но в занавеске осталась щель, и сквозь неё вошёл лунный луч и упал на пол в ногах кровати. Маленький Джон следил, как луч двигается к нему медленно-медленно, как будто живой. Снова зазвучала музыка, но теперь он еле-еле слышал её; сонная музыка, славная... сонная музыка... сонная... сон...

А время шло, музыка звучала то громче, то тише, потом смолкла, лунный свет подполз к его лицу. Маленький Джон ворочался во сне, наконец лёг на спину, вцепившись

¹⁵ Гуинивир — супруга короля Артура в цикле легенд об Артуре (см. прим. к с. 224).

¹⁶ «Вот был бы у меня голубь, как у Ноя». — Библейский персонаж Ной, спасаясь в ковчеге во время всемирного потопа, несколько раз выпускал голубя, который наконец возвратился с оливковой ветвью, означавшей окончание бедствия.

загорелыми пальцами в одеяло. Уголки его глаз подрагивали — он видел сны. Ему снилось, что он пьёт молоко из сковородки, и сковородка — это луна, а напротив него сидит большая чёрная кошка и смотрит на него со странной улыбкой, как у его отца. Он услышал её шёпот: «Не пей слишком много». Молоко ведь было кошкино, и он дружески протянул руку, чтобы погладить её; но она уже исчезла; сковородка превратилась в кровать, на которой он лежал, и когда он захотел вылезти, то никак не мог найти края, не мог найти его, никак-никак не мог вылезти. Это было ужасно!

Он тихо заплакал во сне. И кровать начала вертеться; она была и внутри его и снаружи; ходила все кругом и кругом и становилась как огонь, и старуха Ли из «Выброшенных морем» вертела её. Ух, какая она была страшная! Быстрее, быстрее, пока он, и кровать, и старуха Ли, и луна, и кошка — все не слилось в одно колесо и кружилось, кружилось, поднимаясь все выше, выше — страшно — страшно — страшно!

Он закричал.

Голос, говоривший: «Милый, милый», проник сквозь колесо, и он проснулся, стоя в постели, с широко открытыми глазами.

Рядом с ним стояла мать, волосы у неё были, как у Гуинивир, и, вцепившись в неё, он уткнулся в них лицом.

— Ой, ой!

— Ничего, моё золото. Ты теперь проснулся. Ну, ну, все прошло.

Но маленький Джон все говорил: «Ой, ой!»

Голос её продолжал, мягкий, как бархат:

— Это лунный свет упал тебе на лицо, родной.

Маленький Джон всхлипнул ей в плечо:

— Ты сказала, что он красивый. Ой!

— Но спать он мешает, Джон. Кто впустил его? Это ты раздвинул занавески?

— Я хотел посмотреть, сколько времени; я... я высунулся, я... я слышал, как ты играла; я... съел миндальное пирожное.

Но на душе у него становилось спокойнее, и в нём проснулось инстинктивное желание оправдать свой испуг.

— Старуха Ли кружилась у меня внутри и стала вся огненная, — пробормотал он.

— Но, Джон, чего же и ждать, если ты будешь есть пирожные в постели?

— Только одно, мама. От него музыка стала гораздо лучше. Я ждал тебя, я уж думал, сейчас завтра.

— Милый ты мой, сейчас только одиннадцать часов.

Маленький Джон помолчал, потёрся носом о её шею.

— Мама, папа у тебя в комнате?

— Сегодня нет.

— Можно к тебе?

— Если хочешь, мой хороший.

Придя наконец в себя, маленький Джон отодвинулся.

— Ты сейчас совсем другая, мама; гораздо моложе.

— Это мои волосы, милый.

Маленький Джон взял их в руки, они были густые, темно-золотые, с серебряными нитями.

— Я люблю их, — сказал он, — я тебя больше всего люблю вот такую.

Схватив мать за руку, Джон потащил её к двери. Он закрыл за собой дверь со вздохом облегчения.

— Ты с какой стороны ляжешь, мама?

— С левой.

— Ну, хорошо.

Не теряя времени, чтобы она не успела передумать, маленький Джон залез в постель, которая показалась ему гораздо мягче, чем его собственная. Он опять глубоко вздохнул,

зарылся головой в подушку и лежал, разглядывая битву колесниц и мечей и пик, которая всегда происходила на одеялах, там, где на свет были видны волоски.

— По-настоящему ведь ничего не было, правда? — сказал он.

Не отходя от зеркала, мать ответила:

— Только луна и твоё разгорячённое воображение. Нельзя так волноваться, Джон!

Но маленький Джон, все ещё не владея своими нервами, ответил хвастливо:

— Я и не испугался, по правде-то.

И он все лежал, разглядывая колесницы и пики. Время тянулось.

— Ой, мамочка, поскорей!

— Милый, надо же мне заплести косы.

— Сегодня не надо. Завтра ведь опять придётся расплетать. Мне спать хочется, а если ты не придёшь, расхочется.

Мать стояла перед трехстворчатым зеркалом, вся белая, и он видел её с трех сторон; шея была повернута, волосы блестели в свете лампы, тёмные глаза улыбались. Всё это было ни к чему, и он сказал:

— Иди же, мама, я жду.

— Сейчас, мой родной, сейчас.

Маленький Джон закрыл глаза. Всё кончилось к лучшему, только пусть бы уж она поскорее! Кровать дрогнула, она легла. И, не открывая глаз, он сонно проговорил:

— Хорошо, правда?

Он слышал, как она сказала что-то, почувствовал прикосновение её губ у себя на носу и, прижавшись к той, что лежала без сна и любила его всеми помыслами, погрузился в безмятежный сон, который отделил его от прошлого.

1920

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Сага о Форсайтах»](#)